

Юй Чэньинь постепенно поправлялся и порой даже мог позволить себе вместе с Цзи Янем скакать верхом по бескрайним просторам степи. Бездонное небо, парящие в вышине орлы — несмотря на засуху и редкие дожди, всё вокруг казалось таким свободным.

В прошлой жизни он был прикован к больничной койке. Чтобы хоть как-то убить время, читал множество книг, среди которых немало было посвящено подвигам героев всех времен. В те дни, когда он не мог и шагу ступить за пределы палаты, книжные герои стали его единственной отрадой. Одни были отважными воинами, чья мощь потрясала горы, другие — мудрыми стратегами, просчитывающими ходы на сотни ли вперед, третьи — верными долгу мучениками, идущими на смерть без тени страха. И вот теперь рядом с ним появился настоящий герой. Жители Северных рубежей почитали его словно божество, а советники в резиденции генерала были преданы ему душой и телом.

Поскольку слабое здоровье не позволяло Юй Чэньиню овладеть боевыми искусствами, он обратил свой взор на военное дело. Узнав об этом, Цзи Янь охотно взялся за его обучение. Советники, даже отбросив часть своих предубеждений, по-прежнему выступали против, убеждая генерала не наделять мудростью того, чья красота способна погубить государство. Они опасались, что это пробудит в нем амбиции. По их мнению, такому человеку место на заднем дворе, где он мог бы наслаждаться роскошью, а обучение военным стратегиям — это лишь наживать себе беду. Ведь если лекарственный человек станет слишком много понимать, он уже не захочет довольствоваться жизнью в четырех стенах.

Цзи Янь лишь качал головой и посмеивался:

— Неужели вы, господа, испугались? Неужели из-за призрачных опасений нужно гасить в человеке стремление к развитию? Я полагаю, что вы, будучи людьми незаурядного ума и стратегами, не должны страшиться одного лишь лекарственного человека. К тому же наши северные юноши учатся грамоте и военному делу, лелея великие мечты. Если лекарственный человек живет на нашей земле, то он — один из нас, так почему бы ему не почитать в свободное время книги о стратегии? Тем более, вы, приверженцы учения конфуцианства, разве не знаете о силе просвещения? Если же вам настолько нечем заняться, кроме как следить за ним, то лучше станьте его наставниками. Если вы сможете полностью приобщить к нашей культуре того, кто не принадлежит к нашему роду, это станет достойным примером для подражания.

Когда эти слова разлетелись по округе, нашлись и те, кто решил попытать счастья. Однажды к генералу попросился на прием некий музыкант. Он заявил, что, хоть и не силен в воинских искусствах, но в игре на цитре снискал известность, и пожелал взять на себя просвещение лекарственного человека. Цзи Янь рассмеялся, не ожидая, что кто-то сам придет к нему в руки, и ответил:

— Оставайтесь пока у нас, а когда я сообщу об этом лекарственному человеку, вы сможете приступить к обучению.

Цзи Янь велел своим людям разузнать о прошлом музыканта. Убедившись, что тот — прославленный мастер игры на цитре и не имеет никаких связей со столицей, он со спокойной душой представил его Юй Чэньиню. Сам Цзи Янь становился все более занятым, и Юй Чэньинь, не желая отнимать у него время или беспокоить других, согласился на занятия.

Чтобы избежать лишних пересудов, Юй Чэньинь снова начал носить маску. Сначала игра на цитре не вызвала у него особого интереса, но музыка наставника действовала успокаивающе, принося душе покой и ясность. Постепенно он втянулся и даже полюбил это занятие. Музыкант был странным человеком: в присутствии ученика он всегда играл мелодии, полные радости и безмятежности, но, возвращаясь в свою комнату, часто извлекал из инструмента горькие, надрывные звуки. Говорили, что из его покоев по ночам доносилась такая скорбная музыка, что всякий, кто ее слышал, не мог сдержать слез.

Юй Чэньинь однажды спросил его об этом, но музыкант лишь перевел тему, не давая прямого ответа.

Как-то раз наставник улыбнулся и сказал:

— Ты уже усвоил семь частей моего мастерства, оставшиеся три зависят лишь от твоего жизненного опыта и состояния души. Я больше ничему не могу тебя научить, через несколько дней я попрощаюсь с генералом.

Юй Чэньинь попытался его удержать:

— Вы слишком скромны, учитель. Ваше мастерство недостижимо для меня. Неужели дома случилась беда? Если нет, не могли бы вы задержаться еще на некоторое время?

Музыкант улыбнулся:

— Дома действительно есть неотложные дела, нужно поспешить. Скажи, Чэньинь, пьешь ли ты вино? Хотел бы выпить с тобой на прощание.

Юй Чэньинь велел слугам принести вина, и они вдвоем под лучами закатного солнца распили кувшин. Однако на душе у Юй Чэньиня было беспокойно: улыбка музыканта, хоть и казалась бодрой, отдавала горечью и скрытой тревогой, словно у него была тайна, которую он не мог доверить никому.

— Если у вас есть беда, учитель, расскажите мне. Генерал всегда был великодушен, возможно, он сумеет вам помочь.

Музыкант лишь громко рассмеялся:

— Ты слишком много думаешь, Чэньинь. Просто расставаться всегда немного грустно.

Юй Чэньинь не стал больше расспрашивать, наполнил чашу наставника, и они продолжили пить.

Когда сумерки сгустились и слуги зажгли огни, музыкант, обняв свою цитру, откланялся. Юй Чэньинь смотрел вслед его фигуре, которая становилась все дальше и призрачнее, пока окончательно не растворилась в глубокой ночной мгле.

На следующее утро на генерала было совершено покушение.

Убийцей оказался тот самый музыкант, что называл себя неучем в воинских делах.

Советники не успели даже прийти в себя от ярости, как получили два срочных донесения. На севере гунны начали яростное вторжение, а на юге новый император двинул войска, окружив пограничные города.

Северные рубежи оказались в опасности.

Цзи Янь, не заботясь о ранах, облачился в доспехи и выступил в поход: сначала разбил гуннов, а затем запросил мира у нового императора, клянясь, что род Цзи верен престолу и не имеет умысла на бунт. Однако новый император потребовал голову Цзи Яня, пообещав взамен не трогать народ Северных рубежей и пощадить остальных членов рода и соратников генерала. Главный военачальник авангарда, назначенный императором, открыто издевался: когда основывалось государство, род Цзи сам вызвался охранять Север, но кто знал, что у них такие амбиции? Спустя поколения они перестали подчиняться приказам двора, явно мечтая о собственном троне. Если Цзи Янь действительно верен, он должен сам перерезать себе горло ради блага страны.

Люди в резиденции генерала, разумеется, не могли с этим согласиться. Да и новый император лишь насмеялся, не рассчитывая, что Цзи Янь пойдет на самоубийство. Война была неизбежна.

Однако Цзи Янь был серьезно ранен во время покушения, а затем еще сильнее пострадал в битве с гуннами. Новый император выжидал, не вступая в бой, желая воспользоваться плодами чужих усилий. И в этот критический момент на Севере объявились остатки сил прежней династии.

Их предводитель попросил аудиенции у генерала Цзи Яня, призывая его воспользоваться моментом и восстать против государства Чжао, и при этом величал его Ваше Высочество.

Оказалось, что императорский род прежней династии не был истреблен полностью. В те времена дочь рода Цзи, выданная замуж за пятого принца прежней династии, в момент падения империи велела слугам увести своего ребенка и искать защиты у рода Цзи, а сама покончила с собой, последовав за мужем. Цзи Янь был прямым потомком того самого пятого принца. Даже спустя десятки лет правления рода Чжао, многие все еще хранили память о прежней династии.

<http://bllate.org/book/18606/1791630>